

Цикады.

На дачѣ темно, — часъ поздній, — и все окрестъ струится непрерывнымъ журчаніемъ. Я сдѣлалъ длинную прогулку по обрывамъ надъ моремъ и легъ въ камышевое кресло на балконѣ. Я курю, думаю — и слушаю, слушаю: въ этомъ хрустальномъ журчаніи есть какое-то навожде-ніе.

Ночная темносиняя бездонность неба переполнена разноцвѣтными висящими въ немъ звѣздами, и среди нихъ воздушно сѣрбеть прозрачный и тоже полный звѣздъ Млечный Путь, двумя неравными дымами склоняющійся къ южному горизонту, беззвѣздному и поэтому почти черному. Балконъ выходитъ въ садъ, усыпанный галькой, рѣдкій и низкорослый. Съ балкона открывается ночное море. Блѣдное, млечно-зеркальное, оно глубоко молчитъ. И оттого, что оно молчитъ, у меня такое чувство, будто молчатъ и звѣзды. И однообразный, ни на секунду не прерывающійся хрустальный звонъ, стоящій во всемъ этомъ молчаливомъ ночномъ мірѣ, подобенъ какому-то звенящему сну. Завороженный самимъ собой, онъ какъ будто растетъ, ширится и однако не увеличивается, ни до чего не до-растаетъ — и ничѣмъ не разрѣшается. И я лежу, слушаю и думаю, думаю.

О чемъ я думаю?

«Рѣшился я испытать разумомъ все, что дѣлается подъ солнцемъ; но это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы они мучили себя... Богъ сотворилъ людей разумно, но, увы, люди пустились въ большую затѣйливость»... И Екклесіастъ отечески совѣтуетъ : «Не

будь слишкомъ правдивъ и не умствуй слишкомъ»... Но я все мучу себя, все умствую. Я «слишкомъ правдивъ».

О чемъ я думаю? Когда я внезапно спросилъ себя объ этомъ, я хотѣлъ вспомнить, о чемъ именно я думалъ, и тотчасъ-же подумалъ о своемъ думаньи и томъ, что это думанье есть, кажется, самое удивительное, самое непостижимое и, несомнѣнно, самое роковое въ моей жизни. О чемъ я думалъ, что было во мнѣ? Какъ всегда, были обрывки какихъ-то воспоминаній, какія-то мысли объ окружающемъ и желаніе зачѣмъ-то осознать и запомнить, тѣ есть сохранить, удержать въ себѣ это окружающее. Что еще? А еще чувство великаго счастья отъ этого великаго покоя и великой гармоніи ночи и отъ того, что я вижу, ощущаю эту красоту, рядомъ-же съ этимъ — чувство какой-то тоски и какой-то вѣчно томящей меня корысти, жажда какъ то использовать это счастье и даже вотъ эту самую тоску и жажду. Вѣчный крестъ мой!

Откуда тоска? Изъ тайнаго чувства, что только во мнѣ одномъ нѣтъ покоя, нѣтъ гармоніи, нѣтъ покорности и бездумности. Откуда корысть? Она есть слѣдствіе моего ремесла. А что такое мое ремесло? Творческое побужденіе есть основа человѣческой природы. Жизнь есть нѣкая форма, нѣкое воплощеніе чего-то, намъ невѣдомаго. И вѣчно чувствуемъ мы срочность и зыбкость этой формы и боимся своей безслѣдности. «Въ будущіе дни все будетъ забыто. Нѣтъ памяти о прежнихъ людяхъ. И любовь ихъ, и ненависть, и ревность давно исчезли и уже нѣтъ имъ участія ни въ чемъ, что дѣлается подъ солнцемъ»... И вотъ: «Предпринялъ я большія дѣла, — построилъ себѣ дома, посадилъ виноградники, устроилъ сады и рощи... приобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, собралъ серебра и золота отъ царей и областей».... Зачѣмъ? Загѣмъ, что, трудясь и въ трудахъ достигая силы, славы, радуется человѣкъ этой силѣ, славѣ, какъ плодотворности въ своей борьбѣ со смертью, разрушительницей формъ. И тотъ, кому дано чувствовать ихъ зыбкость и непрочность особенно, особенно и

одержимъ жаждой такой борьбы. И я изъ числа именно этихъ особенныхъ. Такъ что-же я умствую и пускаюсь въ «затѣйливость», ведущую къ безплодію и къ старой, какъ міръ, мудрости, что нѣтъ человѣку пользы ни отъ какихъ трудовъ его подъ солнцемъ? Развѣ не больше, чѣмъ многимъ другимъ, отпущено мнѣ силъ для этой борьбы? Да, но совсѣмъ не въ мѣру моего все растущаго чувства роковой непрочности, зыбкости моей формы. Тутъ всегда нѣкій заколдованный кругъ. Кому дается больше, съ того больше и спрашивается. Чѣмъ страстнѣй пѣвецъ Пѣсни Пѣсней, тѣмъ вѣрнѣй кончаетъ онъ Екклесіастомъ.

О чемъ я думалъ? Но не важно, о чемъ именно думалъ я, — важно мое думанье, дѣйствіе совершенно для меня непостижимое, а еще важнѣе и непостижимѣе — мое думанье объ этомъ думаньѣ и о томъ, что я ничего не понимаю ни въ себѣ, ни въ мірѣ и въ то же время понимаю мое непониманіе, понимаю мою потерянность среди этой ночи и вотъ этого колдовского журчанія, не то живого, не то мертваго, не то бессмысленнаго, не то говорящаго мнѣ что-то самое сокровенное и самое нужное.

Я утѣшаю себя :

— Эта мысль о собственной мысли, пониманіе своего собственного непониманія есть самое неотразимое доказательство моей причастности чему-то такому, что во сто кратъ больше меня, а значить, и доказательство моего бессмертія : во мнѣ есть нѣчто, нѣкій придатокъ — очевидно, не разложимый, основной, — поистинѣ частица самого Бога.

Но я-же и отвѣчаю на это утѣшеніе :

— То есть частица того, не имѣющаго ни формы, ни времени, ни пространства, что, для земли, для моего земного существованія, и есть моя гибель ! Это нѣчто даетъ намъ мудрость, иными словами — смерть. Вкусите — и будете какъ Богъ. Но « Богъ на небѣ, а мы на землѣ ». Вкусая, умножаемъ познаніе, сознаніе, то есть скорбь. Вкусая, для земли, для земныхъ формъ и законовъ уми-

раемъ. Богъ безконеченъ, безграниченъ, вездѣсущъ, безымянень. Но эти-то Божескія свойства и ужасны для меня. И если они все растутъ во мнѣ, я для своей человѣческой жизни, для этого земного «быванія», погибаю.

Неподвижно темнѣютъ мелкія деревья въ саду.

Между ними сѣрѣетъ галька, бѣлѣютъ бѣлые цвѣты въ цвѣтникѣ, а дальше — обрывы, и млечной плащеницей подымается къ небу море.

Въ этой млечности есть зеркальность ; но на горизонтѣ темно, сумрачно, зловѣще : это отъ Юпитера и отъ того, что тамъ, въ южномъ небосклонѣ, почти нѣтъ звѣздъ.

Юпитерь, золотой, огромный, горитъ въ концѣ Млечнаго Пути такъ царственно и ярко, что на балконѣ лежать чуть видныя тѣни отъ стола, отъ стульевъ. Онъ кажется маленькой луной какого-то иного, потусторонняго міра, и его сіяніе туманно-золотистымъ столпомъ падаетъ въ зеркальную млечность моря съ великой высоты небосклона, межъ тѣмъ какъ на горизонтѣ, въ силу противоположности со свѣтомъ, мрачно рисуется какъ бы темный холмъ.

И непрестанный, ни на секунду несмолкающій звонъ, наполняющій молчаніе земли, неба и моря своимъ какъ бы сквознымъ журчаніемъ, похожъ то на милліоны текущихъ и сливающихся ручьевъ, то на какіе-то дивные, все какъ будто растущіе и растущіе хрустальными винтами цвѣты.

И я слушаю, слушаю этотъ звонъ и думаю.

Я думаю о томъ, какъ я счастливъ этими ночами, лѣтомъ, югомъ, тѣмъ, что вокругъ меня южныя предгорья, а вотъ подъ этими обрывами, въ двухъ шагахъ отъ меня, покоится въ звѣздной летаргіи то дивное, что называется моремъ. И еще я думаю о томъ, какъ безконечно я несчастень, томясь своимъ счастьемъ, которому всегда не достааетъ чего-то и которое такъ преходяще, безслѣдно и такъ отравлено все растущимъ во мнѣ безуміемъ : безуміемъ моей отдѣленности отъ міра и даже отъ самого себя, удивленія передъ нимъ и передъ собственнымъ существо-

ваніемъ, непониманія ни себя, ни его. Такъ въ дѣтствѣ смотрѣлся я иногда въ зеркало : что это такое, кто это тотъ, котораго я вижу, который есть я и о которомъ я-же и думаю, и кто на кого смотритъ ?

Только человѣкъ дивится своему собственному существованію. И въ этомъ его главное отличіе отъ прочихъ существъ, которыя еще въ раю, въ недуманіи о себѣ. Но вѣдь и люди отличаются другъ отъ друга — степенью, мѣрой этого удивленія. За что же отмѣтилъ меня Богъ роковымъ знакомъ удивленія, « умствованія », такъ сугубо, зачѣмъ все растеть и растеть во мнѣ оно ? Умствуютъ-ли мириады цикадъ, наполняющихъ вокругъ меня какъ бы всю вселенную своей ночной любовной пѣснью ? Нѣтъ, онѣ въ раю, въ блаженномъ снѣ жизни, а я уже проснулся и бодрствую. Мнѣ въ нихъ и онѣ въ немъ, а я уже какъ бы со стороны гляжу на него. И къ чему ведетъ это ? « Пожираетъ сердце свое глупецъ, сидящій праздно . . . Кто наблюдаетъ вѣтеръ, тому не сѣять . . . »

Я слушаю и думаю. И отъ этого я безконечно одинокъ въ этомъ полночномъ безмолвіи, колдовски звенящемъ мириадами хрустальныхъ источниковъ, неизскаемо, съ великой покорностью и бездумностью льющихся въ какое-то бездонное Лоно. Горній свѣтъ Юпитера жутко озаряетъ громадное пространство между небомъ и моремъ, великій храмъ ночи, надъ Царскими Вратами котораго вознесенъ онъ какъ знакъ Святого Духа. И я одинъ въ этомъ храмѣ, я кошунственно бодрствую въ немъ.

День есть часъ дѣланія, часъ неволи. День во времени, въ пространствѣ. День — исполненіе земного долга, служенія земной жизни. И законъ дня повелѣваетъ : будь въ дѣланіи и не прерывай его для осознанія себя, своего мѣста и своей цѣли ибо ты рабъ жизни и дано тебѣ въ ней извѣстное назначеніе, званіе, имя. А что есть ночь и подобаешь ли человѣку быть предъ лицомъ ея въ бодрствованіи, въ томъ непостижимомъ, что есть наше думанье, умствованіе ? Заповѣдано было не вкушать отъ за-

претнаго плода, и вотъ послушай, послушай ихъ, этихъ самозабвенныхъ пѣвцовъ, неотдѣлимыхъ отъ своихъ сладкихъ любовныхъ пѣсенъ : они не вкушали и не вкушаютъ ! И что иное, какъ не славословіе имъ, вынесли Екклезіасты изъ всей своей мудрости ? Это они сказали : « Все суета суеть, и нѣтъ выгоды человѣку при всѣхъ трудахъ его ! » Но они-же и прибавили : « Сладокъ сонъ работающаго ! И нѣтъ ничего лучше, какъ наслаждаться человѣку дѣлами своими и ѣсть съ веселіемъ хлѣбъ свой и пить въ радости сердца вино свое ! » Что есть ночь ? То, что рабъ времени и пространства на нѣкій срокъ свободенъ, что снято съ него его земное назначеніе, его земное имя, званіе — и что уготовано ему, если онъ бодрствуетъ, великое искушеніе : бесплодное умствованіе, бесплодное стремленіе къ пониманію, то есть непониманіе сугубое : непониманіе ни міра, ни самого себя, окруженнаго имъ, ни своего начала, ни своего конца.

У меня ихъ нѣтъ, — ни начала, ни конца.

Я знаю, что мнѣ столько-то лѣтъ. Но вѣдь мнѣ сказали это, то есть то, что я родился въ такомъ-то году, въ такой-то день и часъ : иначе я не зналъ бы не только дня своего рожденія, а слѣдовательно и счета моихъ лѣтъ, но даже и того, что я существую по причинѣ рожденія. И вообще мое рожденіе никакъ не есть мое начало.

Мое начало и въ той (совершенно непостижимой для меня) тѣмѣ, въ которой я былъ отъ зачатія до рожденія, и въ моемъ отцѣ, въ матери, въ дѣдахъ, прадѣдахъ, ибо вѣдь они тоже я, только въ нѣсколько иной формѣ, изъ которой весьма многое повторилось во мнѣ почти тождественно. « Я помню, что когда-то, мириады лѣтъ тому назадъ, я былъ козленкомъ ». И я самъ испыталъ однажды (какъ разъ въ странѣ Того, Кто сказалъ это, въ индійскихъ тропикахъ) ужасъ необыкновенно остраго ощущенія, что я уже былъ когда-то среди этого райскаго тепла и райскихъ богатствъ.

Самовнушеніе, самообманъ ?

Но, вѣдь, очень вѣроятно, что мои пращуры обитали именно въ индійскихъ тропикахъ. Какъ же могли они, столько разъ передававшіе своимъ потомкамъ и наконецъ передавшіе и мнѣ почти точную форму уха, подбородка, бровныхъ дугъ, какъ могли они не передать и болѣе тонкой, невѣсомой плоти, связанной съ Индіей? Есть люди, которые боятся змѣй, пауковъ, боятся «безумно», то есть вопреки уму, а вѣдь это и есть чувство какого-то прежняго, давняго существованія, темная память о томъ, напримѣръ, что когда-то древнему пращурѣ боящагося постоянно грозила смерть отъ кобры или скорпіона, тарантула. Мой пращуръ обиталъ въ Индіи. Почему-же, при видѣ кокосовыхъ пальмъ, склоненныхъ съ океанійскаго побережья, при видѣ голыхъ темнокоричневыхъ людей въ теплой тропической водѣ, не могъ вспомнить я того, что я чувствовалъ нѣкогда, будучи своимъ темнокоричневымъ предкомъ?

Но нѣтъ у меня и конца.

Не понимая, не чувствуя своего рожденія, я не понимаю, не чувствую и смерти, о которой я тоже не имѣлъ бы даже малѣйшаго представленія, знанія, а можетъ, и ощущенія, родился я и живи на какомъ-нибудь совершенно необитаемомъ, безъ единаго живого существа, островѣ. Я всю жизнь живу подъ страшнымъ знакомъ смерти — и все таки у меня всю жизнь такое чувство, будто я никогда не умру. Смерть! Но вѣдь каждые семь лѣтъ весь человѣкъ перерождается, то есть незамѣтно умираетъ, незамѣтно возражаясь. Значить, не разъ перерождался (то есть умиралъ, возражаясь) и я. Умиралъ — и однако жилъ, умеръ уже многократно — и однако въ основѣ все тотъ же, что и прежде, да въ придачу еще весь полонъ своимъ прошлымъ.

Начало, конецъ! Но страшно зыбки мои представленія времени, пространства. И съ годами все больше не только чувствую, но и сознаю я это.

Меня выдѣлили изъ многихъ прочихъ. Выдѣлили мое

воображеніе, память, воспримчивость, умѣніе высказываться. И хотя почти вся моя жизнь есть почти сплошное и мучительное сознаніе слабости и ничтожества всѣхъ моихъ только что перечисленныхъ свойствъ, я, по сравненію съ нѣкоторыми, и впрямь не совсѣмъ обычный человѣкъ. Но вотъ именно поэтому-то (то есть въ силу моей нѣкоторой необычайности, въ силу моей принадлежности къ нѣкоторому особому разряду людей) мои представленія, ощущенія времени, пространства и самого себя зыбки особенно.

Что это за разрядъ, что это за люди? Это тѣ, которыхъ называютъ поэтами, художниками. Чѣмъ они должны обладать? Способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другія, чужія, не только самого себя, но и прочихъ, — то есть, какъ принято говорить, способностью перевоплощенія и, кромѣ того, особенно живой и особенно образной (чувственной) памятью. А для того, чтобы быть однимъ изъ такихъ людей, надо быть особою, прошедшей въ цѣпи своихъ предковъ очень долгій путь существованій и вдругъ явившей въ себѣ особенно полный образъ своего дикаго пращура со всей свѣжестью его ощущеній, со всей образностью его мышленія и съ его огромной подсознательностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ особою, безмѣрно обогащенной за свой долгій путь и уже съ огромной сознательностью.

Великій мученикъ или великій счастливецъ такой человѣкъ? Непремѣнно и то, и другое. Проклятіе и счастье такого человѣка есть особенно сильное Я, жажда вящаго утвержденія его и вмѣстѣ съ тѣмъ вящее (въ силу огромнаго опыта за время пребыванія въ огромной цѣпи существованій) чувство тщеты этой жажды, обостренное ощущеніе Всебытія. И вотъ Будда, Соломонъ, Толстой...

Гориллы въ молодости, въ зрѣлости страшны своей тѣлесной силой, безмѣрно чувственны въ своемъ мироощущеніи, беспощадны во всяческомъ насыщеніи своей похо-

ти, отличаются крайней непосредственностью, къ старости же становятся нерѣшительны, задумчивы, скорбны, жалостливы... Какое разительное сходство съ Буддами, Соломонами, Толстыми! И вообще, сколько можно насчитать въ царственномъ племени святыхъ и геніевъ такихъ, которые вызываютъ на сравненіе ихъ съ гориллами даже по наружности! Всякій знаетъ бровныя дуги Толстого, гигантскій ростъ и бугоръ на черепѣ Будды и припадки Магомета, когда ангелы въ молніяхъ открывали ему тайны и бездны неземныя и « въ мановеніе ока » (то есть внѣ всякихъ законовъ времени и пространства) переносили его изъ Медины въ Іерусалимъ, — переносили какъ разъ на Камень Моріа, непрестанно размахивающійся между небомъ и землей и какъ бы мѣшающій землю съ небомъ, переходящее съ вѣчнымъ.

Всѣ эти Соломоны и Будды сперва съ великой жадностью приѣмлютъ міръ, а затѣмъ съ великой страстностью клянуть его обманчивые соблазны. Всѣ они сперва великіе грѣшники, а потомъ великіе святые, сперва великіе стяжатели, потомъ великіе расточители. Всѣ они ненасытные рабы Майи, — вотъ она, эта звенящая, колдующая Майя, послушай, послушай ее! — и въ то же время ощутили Нирваны съ ея вѣчнымъ блаженствомъ, все таки всегда скорбнымъ для смертнаго, никогда на землѣ не могущаго отказаться до конца отъ Майи, отъ сладости « быванія ». Всѣ они отличаются все возрастающей съ годами религіозностью, то есть страшнымъ чувствомъ своей связанности со Всебытіемъ — и неминуемаго въ немъ исчезновенія.

Слабое движеніе воздуха, запаха цвѣтовъ изъ цвѣтника и морской свѣжести неожиданно доходитъ до балкона. И черезъ минуту слышится легкій шорохъ, тихій вздохъ полусонной волны, медленно накатившейся гдѣ-то внизу на берегъ. Счастливая, дремотная, бездумная, покорная, умирающая, не вѣдая того! Она накатилась, плеснула, озарила пески блѣдно-голубымъ сіяніемъ,— сія-

ніемъ несмѣтныхъ жизней, — и такъ же медленно потянулась назадъ, беззвучно возвратилась въ море, въ колыбель и могилу свою. И несмѣтныя жизни поютъ окрестъ какъ будто еще изступленнѣе, и Юпитеръ, золотымъ потокомъ льющійся въ великое зеркало водъ, блещетъ въ небесахъ какъ будто еще страшнѣе и царственнѣе. — Боже, какъ блаженна и какъ скорбитъ душа моя, лишенная Твоего Эдема!

Развѣ я уже не безначаленъ, не безконеченъ, не вездѣ-сущъ?

Вотъ десятки лѣтъ отдѣляютъ меня отъ моего младенчества, дѣтства. И обычно у меня такое чувство, что мои дѣтскіе дни, которые считаются моими первыми днями, были безконечно давно. Но стоитъ мнѣ лишь немного напречь мысль, какъ время начинаетъ сокращаться, таять. И такъ было всегда. Не разъ испытать я нѣчто поистинѣ чудесное. Не разъ случалось такъ: я возвратился изъ какого-нибудь далекаго путешествія, возвратился въ тѣ поля, гдѣ я былъ нѣкогда ребенкомъ, юношей, — и вдругъ, взглянувъ кругомъ, чувствую, что долгихъ и многихъ лѣтъ, прожитыхъ мной съ тѣхъ поръ, какъ не бывало. И это совсѣмъ, совсѣмъ не воспоминаніе: нѣтъ, просто я опять прежній, совершенно прежній. Я опять въ томъ же самомъ отношеніи къ этимъ полямъ, къ этому полевому воздуху, къ этому русскому небу, въ томъ же самомъ воспріятіи всего міра, какое было у меня вотъ здѣсь, на этомъ проселкѣ, въ дни моего дѣтства, отрочества. И нѣтъ силъ передать всю боль и всю радость этихъ минутъ, все горькое ихъ счастье! Гдѣ онъ, этотъ столь близкій мнѣ ребенокъ, юноша? Онъ живой, но уже безплотный, онъ я, но и не я, — да, уже все таки не я!

Въ такія минуты не разъ думалъ я: каждый мигъ того, чѣмъ я жилъ здѣсь когда-то, оставлялъ, таинственно отпечатлѣвалъ свой слѣдъ какъ бы на какихъ-то несмѣтныхъ, безконечно малыхъ, сокровеннѣйшихъ пластинкахъ моего Я — и вотъ нѣкоторыя изъ нихъ вдругъ ожили, про-

явились. Секунда — и онъ опять меркнутъ во тьмѣ моего существа. Но пусть, я знаю, что онъ есть. Ничто не гибнетъ, — только видоизмѣняется. Но, можетъ, есть нѣчто, что не подлежитъ даже и видоизмѣненію, не подвергается ему не только въ теченіе моей жизни, но и въ теченіе тысячелѣтій? Увеличивъ число такихъ отпечатковъ, я долженъ передать ихъ еще кому-то, слѣдующему за мной, какъ передано великое множество ихъ всѣми моими предками — мнѣ. Не разъ чувствовалъ я себя не только прежнимъ собою, но и своимъ отцомъ, дѣдомъ, прадѣдомъ: въ свой срокъ кто-то долженъ и будетъ чувствовать себя — мною.

И я думалъ въ такія минуты: богатство способностей, талантъ, гений — что это какъ не богатство этихъ отпечатковъ (и наслѣдственныхъ, и благопріобрѣтенныхъ), какъ не та или иная чувствительность ихъ и количество ихъ проявленій въ лучѣ того Солнца, что откуда-то падаетъ на нихъ порою, то ярче, то слабѣе? И я говорилъ себѣ: вѣрѣ спокойно, не пропала и никогда не пропадетъ ни единая, даже самая малѣйшая доля твоего существованія, — каждая запечатлѣна и сохранится. Всѣ онѣ и уже навсегда, на-вѣки померкнутъ, погибнутъ въ той послѣдней Тьмѣ, куда мы всѣ отходимъ въ свой срокъ? Но развѣ не казалось тебѣ не разъ, что и при жизни мириады ихъ уже погибли, утратили способность оживать (проявляться) и развѣ ты не ошибался? И гдѣ грань между тьмой могильной и той, въ которой и при жизни таится въ тебѣ твоя прежняя, то есть младенческая, дѣтская, юношеская жизнь, только въ рѣдкія минуты озаряемая и оживающая?

Недавно, проснувшись случайно на разсвѣтѣ, я вдругъ почему-то поразила мыслью о своихъ годахъ. Казалось когда-то, что это какое-то особое, почти страшное существо — человекъ, прожившій сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ. И вотъ такимъ существомъ сталъ наконецъ и я. Что-же я такое, сказала я себѣ, чѣмъ именно сталъ я теперь? И сдѣлавъ маленькое усиліе воли, взглянувъ на себя, какъ на по-

сторонняго, — какъ дивно, что мы это можемъ! — я, конечно, совершенно живо ощутилъ, что я и теперь совершенно тотъ-же, кѣмъ былъ и въ десять, въ двадцать лѣтъ.

Я зажегъ огонь, посмотрѣлъ въ зеркало : ну да, есть сухость и опредѣленность чертъ, есть серебристый налетъ на вискахъ, нѣсколько поблекъ цвѣтъ глазъ, но внутренно, душевно только многая опытность отличаетъ меня тепершняго отъ прежняго, — я чувствую это всѣмъ существомъ своимъ!

И я особенно легко всталъ съ постели, поймалъ ногами туфли и вышелъ въ другія комнаты, еще чуть свѣтлѣющія, еще по ночному спокойныя, но уже принимающія новый, медленно рождающійся день, слабо и таинственно раздѣлившій на уровнѣ моей груди ихъ полутьму.

Покой, особый, предразсвѣтный, царилъ еще и во всемъ томъ огромномъ человѣческомъ гнѣздѣ, которое называется городомъ. Молчаливо и какъ-то по иному, чѣмъ днемъ, стояли многооконные дома съ ихъ многочисленными обитателями, столь какъ будто разными и столь одинаково преданными сну, безсознанію, беспомощности. Молчаливыя (и еще пустыя, еще чистыя) лежали подо мной улицы, но уже зелено горѣли газовые огни въ ихъ прозрачномъ сумракѣ. И вдругъ, понявъ, что эта прозрачность и есть рожденіе новаго дня, я опять, опять испытать то непередаваемое чувство, которое я испытываю всю жизнь, когда мнѣ случается проснуться на ранней зарѣ, — испытать чувство великаго счастья, дѣтски доверчивой, душу умиляющей сладости жизни, чувство начала чего-то совсѣмъ новаго, добраго, прекраснаго — и близости, братства, единства со всѣми живущими на землѣ вмѣстѣ со мной. Какъ я понимаю всегда въ такія минуты слезы Петра Апостола, который именно на разсвѣтѣ такъ свѣжо, молодо, нѣжно ощутилъ всю силу своей любви къ Иисусу и все зло содѣяннаго имъ, Петромъ, наканунѣ, ночью, въ страхѣ передъ римскими солдатами! И я вспомнилъ свое, увы, теперь уже давнее, путешествіе по Галилеѣ,

но Иудей — и опять пережилъ совершенно какъ свое собственное это далекое евангельское утро въ оливковой рощѣ на каменистомъ скатѣ Елеонской горы, это отречение Петра. Время исчезло. Я всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ : ахъ, какой это ничтожный срокъ — двѣ тысячи лѣтъ ! Вотъ я прожилъ полвѣка : стоитъ только увеличить мою жизнь въ сорокъ разъ — и будетъ время Христа, апостоловъ, « древней » Иудеи, « древняго » чело-вѣчества. То же самое солнце, что когда-то увидѣлъ послѣ своей бессонной ночи заплаканный, блѣдный Петръ, вотъ-вотъ опять взойдетъ и надо мною. И почти тѣ-же самыя чувства, что наполнили когда-то Петра въ Геосима-ни, наполняютъ сейчасъ меня, вызывая и на мои глаза тѣ-же самыя слезы, которыми такъ сладко и больно запла-калъ Петръ у костра. Такъ гдѣ-же мое время и гдѣ его ? Гдѣ я и гдѣ Петръ ? Разъ мы такъ слились хотя бы на мгновеніе, гдѣ же оно, это мое Я, утвердить и выдѣлнить которое такъ страстно хотѣлось мнѣ всю жизнь и хочется даже и въ эту минуту ? Нѣтъ, это совсѣмъ, совсѣмъ ни-чего не значить, — то, что мнѣ суждено жить на землѣ не во дни Петра, Иисуса, Тиверія, а въ такъ называемомъ двадцатомъ вѣкѣ. Да и въ немъ ли я живу ? За свою все-таки уже долгую жизнь съ ея думами, чтеніемъ, стран-ствіями и мечтами я такъ привыкъ къ мысли и къ ощуще-нію, будто я знаю и представляю себѣ огромныя простран-ства мѣста и времени, столько жилъ въ воображеніи чу-жими и далекими жизнями, что мнѣ кажется, будто я былъ всегда, во вѣки вѣковъ и всюду. А гдѣ грань между моей дѣйствительностью и моимъ воображеніемъ, которая есть вѣдь тоже дѣйствительность, нѣчто несомнѣнно существующее ?

Такъ всю жизнь, сознательно и бессознательно, то и дѣло преодолеваю, разрушаю я пространство, время, фор-мы. На радость-ли ? Неутолима и безмѣрна моя жажда жизни, и я живу не только своимъ настоящимъ, но и всѣмъ своимъ прошлымъ, не только своей собственной жизнью,

но и тысячами чужихъ, всѣмъ, что современно мнѣ, и тѣмъ, что тамъ, въ туманѣ самыхъ дальнихъ вѣковъ. Зачѣмъ? Затѣмъ-ли, чтобы на этомъ пути губить себя, или затѣмъ, чтобы, напротивъ, утверждать себя, обогащаясь и усиливаясь?

Есть два разряда людей. Въ одномъ, огромномъ, — люди своего, опредѣленнаго момента, житейскаго строительства, дѣланія, люди какъ бы почти безъ прошлаго, безъ предковъ, вѣрныя звенья той Цѣпи, о которой говоритъ индійская мудрость: что имъ до того, что такъ страшно ускользаютъ въ безграничность и начало, и конецъ этой Цѣпи? А въ другомъ, сравнительно очень маломъ, — не только не дѣлатели, не строители, а сущіе разорители, уже познавшіе суету, тщету дѣланія и строенія, люди мечты, созерцанія, удивленія себѣ и міру, люди «умствованія», уже втайнѣ откликнувшіеся на древній зовъ: «Выйди изъ Цѣпи!» — уже жаждущіе раствориться, исчезнуть во Всеединомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще люто страдающіе, тоскующіе о всѣхъ тѣхъ ликахъ, воплощеніяхъ, въ коихъ пребывали они, особенно-же — о каждомъ мигѣ своего настоящаго. Это люди, одаренные великимъ богатствомъ воспріятій, полученныхъ ими отъ своихъ безчисленныхъ предшественниковъ, чувствующіе безконечно далекія звенья Цѣпи, существа, дивно (и не въ послѣдній-ли разъ?) воскресившія въ своемъ лицѣ силу и свѣжесть своего райскаго праотца, его тѣлесности. Это люди райски чувственные въ своемъ мироощущеніи, но, увы, Рая уже лишены. Отсюда и великое ихъ раздвоеніе: мука ухода изъ Цѣпи, разлука съ нею, сознание тщеты ея — и сугубаго, страшнаго очарованія ею. И каждый изъ этихъ людей съ полнымъ правомъ можетъ повторить древнее стenanіe: «Вѣчный и Всеобъемлющій! Ты вѣкогда не зналъ Желанія, не зналъ Жажды. Ты пребывалъ въ великомъ покоѣ, но Ты самъ нарушилъ его: Ты зачалъ и повелѣлъ безмѣрную цѣль воплощеній, изъ коихъ каждому надлежало быть все безплотнѣе, все ближе

къ блаженному Началу. Нынѣ все громче звучитъ мнѣ Твой зовъ : « Выйди изъ Цѣли ! Выйди безъ слѣда, безъ наслѣдства, безъ наслѣдника ! » — Такъ, Господи, я уже слышу Тебя. Но еще горько мнѣ разлученіе съ обманной и горькой сладостью быванія. Еще страшитъ меня Твое безначаліе и Твоя безконечность . . . »

Да, если бы запечатлѣть это обманное и все же несказанно сладкое бываніе хотя бы въ словѣ, если ужъ не во плоти !

Даже и въ древнѣйшіе дни мои, тысячи лѣтъ тому назадъ, мѣрно говорилъ я о мѣрномъ шумѣ моря, пѣлъ о томъ, что мнѣ радостно и горестно, что синева небесъ и бѣлизна облаковъ далеки и прекрасны, что формы женскаго тѣла мучительно своей непостижимой прелестью. А теперь ? Кто и зачѣмъ обизалъ меня безъ отдыха нести бремя, тягостное, изнурительное, но неотвратимое, — непрестанно высказывать свои чувства, мысли, представленія, и высказывать не просто, а съ точностью, красотой, силой, которыя должны очаровывать, восхищать, давать людямъ печаль или счастье ? Кѣмъ и для чего вложена въ меня неутолимая потребность заражать ихъ тѣмъ, чѣмъ я самъ живу, передавать имъ себя и искать въ нихъ сочувствованія, единенія, слиянія съ ними ? Съ младенчества никогда ничего не чувствую я, не думаю, не вижу, не слышу, не обоняю безъ корысти, безъ жажды обогащенія, потребности мнѣ для выраженія себя въ наибольшемъ богатствѣ. Вѣчнымъ желаніемъ одержимъ я не только стяжать, а потому расточать, но и выдѣлиться изъ милліоновъ себѣ подобныхъ, стать извѣстнымъ имъ и достойнымъ зависти, восторга, удивленія и вѣчной памяти. Вѣнецъ каждой человѣческой жизни есть память о ней, высшее, что обѣщаютъ человѣку надъ его гробомъ, это память вѣчную. И нѣтъ той души, которая не томила бы втайнѣ мечтою объ этомъ вѣницѣ. А моя душа ? О, какъ жадна она, какъ истовлена этой мечтой, — зачѣмъ, почему ? — мечтой оставить въ мѣрѣ до скончанія вѣковъ себя, свои

чувства, видѣнія, желанія, одолѣть то, что называется моей смертью, то, что непреложно настанетъ для меня въ свой срокъ и во что я все таки не вѣрю, не хочу и не могу вѣрить! Неустанно кричу я безъ словъ, всѣмъ существомъ своимъ: «Стой, солнце!» И тѣмъ страстнѣе кричу, что вѣдь на дѣлѣ-то я не устрояющій, а разоряющій себя — и не могущій быть инымъ, разъ уже дано мнѣ преодолѣвать ихъ, время, пространство, формы, чувствовать свою безначальность и безконечность, то есть, Единое, вновь влекущее меня въ Себя, какъ паукъ паутину свою.

А цикады поютъ, поютъ. И онѣ знаютъ его, это Единое, но сладка ихъ пѣснь, лишь для меня горестная, — пѣснь, полная райской бездумности, младенческой покорности, блаженного самозабвенія!

Юпитеръ достигъ предѣльной высоты своей. И предѣльнаго молчанія, предѣльной недвижности передъ лицомъ его, предѣльнаго часа своей красоты и величія достигла ночь. «Ночь ночи передаетъ знаніе». Какое? И не въ этотъ ли сокровенный, высшій часъ свой?

Еще царственнѣе и грознѣе сталъ необъятный и бездонный храмъ полнозвѣднаго неба, — уже много крупныхъ предъутреннихъ звѣздъ взошло на его высоту. И съ этой великой высоты уже совсѣмъ отвѣсно падаетъ туманно-золотистый столпъ сіянія въ млечную зеркальность уже полной летаргіей объятаго моря. И еще неподвижнѣе темнѣютъ мелкія деревья, ставшія еще мельче, въ этомъ скудномъ южномъ саду, усыпанномъ блѣдной галькой. И непрерывный, ни на секунду не смолкающій звонъ, наполняющій молчаніе земли, неба и моря своимъ какъ бы сквознымъ журчаніемъ, сталъ еще болѣе похожъ на какіе-то дивные, все какъ будто растущіе хрустальными винтами цвѣты... Чего-же наконецъ достигнетъ это звенящее молчаніе?

Но вотъ онъ опять, этотъ вздохъ, вздохъ жизни, шорохъ накатившейся на берегъ и разлившейся волны, и за нимъ — легкое движеніе воздуха, морской свѣжести и

запаха цвѣтовъ. И я точно просыпаюсь. Я оглядываюсь кругомъ и встаю съ мѣста. Я сбѣгаю съ балкона, иду, хрустя галькой, по саду, потомъ бѣгу внизъ, по обрыву. Я иду по песку и сажусь у самаго края воды и съ упоеніемъ сладострастно погружаю въ нее руки, мгновенно загорающіяся мириадами свѣтящихся капель, несмѣтныхъ жизней... Нѣтъ, еще не настала мой срокъ! Еще есть нѣчто, что сильнѣе всѣхъ моихъ умствованій. Еще какъ женщина вождельнно мнѣ это водное ночное лоно... Боже, оставь меня!

И цикады поютъ, поютъ.

Ив. Бунинъ.

17.IX.1925.

Приморскія Альпы.